К. В. Вяткина

Костюм дархатской шаманки

К числу уникальных монгольских коллекций МАЭ относится костюм дархатской шаманки.[1]

Прежде чем приступить к описанию костюма, отметим, что шаманство среди монгольских народов — несомненно явление добуддийского религиозного культа. Шаманизм, бытовавший в отдельных районах Монголии до самой революции, нужно рассматривать как остаток очень древних верований.

К началу революции среди населения МНР официальной религией являлся ламаизм, однако он полностью не вытеснил из сознания народных масс их древние религиозные представления. Шаманский культ нередко переплетался с буддийскими (ламаистскими) воззрениями, несмотря на то что проникновение буддизма в среду монгольской знати отмечено в XII в.; об этом убедительно свидетельствуют раскопки С. В. Киселевым в Читинском районе курганного могильника — некрополя близ Хирхиринского городища — центре улуса Чжочи-Хасара (брата Чингисхана) и его сына Есунке.

В одном из захоронений был обнаружен гроб и останки мальчика, сопогребенными с которым были одновременно атрибуты и воина, и ламы.[2]

Из исторических источников также известно, что среди родичей Чингисхана имелись лица, достигшие высоких степеней духовного сана, например его двоюродный дед был хутухта-мунгур, а его двоюродный дядя — хутухта-чжурки.[3]

В XVI в. буддизм окончательно утверждается в Монголии. В 1585 г. близ древней столицы Монголии Кара-корум был построен существующий и поныне первый монастырь Эрдэни-Цзу.

В этнографической литературе шаманские религиозные воззрения у монголов не получили достаточного освещения, за исключением упоминаний о некоторых фактах или явлениях, связанных с этим древним культом. По отдельным историческим данным можно судить, что шаманы в древности совмещали власть духовную и светскую. Так, например, Б. Я. Владимирцов, говоря о слове «beki», указывает, что оно обозначало волхва-предводителя и в то же время являлось титулом, который носили главари «лесных» народов (меркитов и ойратов), а среди них ша-

---

[1] Колл. № 6322 (подарена монгольским академиком Б. Ринчинэ; зарегистрирована Н. В. Юхневой).

[2] С. В. Киселев. Древнемонгольские города. М., 1965, стр. 57.

[3] С. А. Козин. Сокровенное сказание. Юань-чао-биши. М., 1941, стр. 84.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_xxv/
© МАЭ РАН

манство было особенно сильно развито. Титул этот носили иногда и аристократы степных кочевников.[4]

Судя по отдельным эпизодам «Сокровенного сказания», а также сообщениям Рашид ад-Дина, можно полагать, что монгольская степная аристократия часто враждовала с шаманами. Достаточно вспомнить о борьбе Чихгисхана с шаманом Кэкчу (известным также под прозвищем Теб-Тенгри) — сыном Мунлика, того самого Мунлика, которому умирающий Есугей-багатур (отец Чингисхана) завещал позаботиться о своей семье и привезти назад домой от хунгиратского Дай-сечена Темучина (старший сын Есугей-багатура, будущий Чингисхан). Шаман Теб-Тенгри, пользовавшийся большим доверием Чингисхана и сыгравший большую роль при избрании Темучина на ханство, впоследствии сделал попытку вмешаться в дела империи, что и явилось причиной его гибели.[5] В ойратских эпосах шаманы выступают как степные аристократы. Они то «мангусы» — чудовища, то люди, они живут в кочевых ставках, имеют своих подданных, заботятся о своих кочевьях и стадах.[6]

В результате социалистического переустройства культуры и быта монголов МНР шаманизм стал быстро исчезать. Отдельные шаманы открыто отказывались выступать в качестве служителей культа, уничтожали шаманские бубны и облачения или передавали их в Улан-Баторский музей. Во время нашего пребывания в Улан-Баторе в 1948—1949 гг. мы видели в музее несколько таких костюмов и бубнов.

Интересно также отметить, что в 1949 г. нам удалось побывать в Мөнгөморито сомоне Центрального аймака у бывшего шамана Санжи, у которого в 1925 г. академик Б. Я. Владимирцов сделал интересные записи шаманских текстов, а также наблюдал процесс камлания.[7] В 1949 г. Санжа уже жил, как и все араты, занимаясь скотоводством, дочь его была артисткой, а зять — художником-декоратором Улан-Баторского театра.

Во время своего пребывания в Урге (ныне Улан-Батор) в 1925 г. Б. Я. Владимирцов отмечал, что в самом городе издавна проживали шаманы и шаманки и камлали бок о бок с буддийским монастырем. Он отмечает также, что ургинские шаманы и шаманки — это выходцы со всех районов Монголии и поэтому их шаманские одеяния и орудия довольно разнообразны. Подтверждением может служить и имеющаяся в коллекциях МАЭ фотография шаманки из района бассейна Орхона. Судя по прическе, шаманка принадлежит к халха-монголам и по своему одеянию отличается от дархатской шаманки (см. рисунок).[8]

На современном шаманстве, говорит Владимирцов, лежит глубокий отпечаток ламаистских влияний. Шаманы называют разные предметы своего обихода тибетскими именами, читают во время камлания тибетские молитвы. Шаманы в Урге имеют шаманские книги, написанные на тибетском, а иногда и на монгольском языке ламами. Сами шаманы заучивают тибетские тексты и смотрят на себя как на светских помощников буддийских монахов. В то же время нельзя не отметить, что в пантеон север-

---

[4] Б. Я. Владимирцов. 1) Общественный строй монголов. Л., 1934, стр. 50; 2) Чингисхан. Берлин—Пгр.—М., 1922, стр. 14.

[5] С. А. Козин. Сокровенное сказание, стр. 176—177; Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. 1, М.—Л., 1952, стр. 168.

[6] Б. Я. Владимирцов. Монголо-ойратский героический эпос. Пгр.—М., 1923, стр. 52.

[7] Б. Я. Владимирцов. Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах. Предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиций о работах, произведенных в 1925 г. Л., 1927, стр. 20—35.

[8] Колл. МАЭ, № 1697-128.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_xxv/
© МАЭ РАН

ных буддистов входят местные божества: гении и духи, которые являются якобы защитниками религии и объявляются принявшими буддизм.[9]

В 1948—1949 гг. в период работы в Монгольской Народной Республике мы много раз встречали свидетельства сохранения добуддийских культов. К ним прежде всего относится *обо* — каменные насыпи, сооружавшиеся на вершинах родовых гор или на высоких перевалах. На обо можно было встретить черепа лошадей, рога горных баранов, лопатки домашних баранов с начертанными на них тибетскими молитвами, полоски различных тканей, хадаки и другие предметы. Все это подносилось в виде жертв духу — «хозяину» данной местности. О связи обо с шаманскими верованиями неоднократно упоминалось в имеющейся литературе о монголах, поэтому мы сейчас на данном вопросе не останавливаемся, отметим лишь, что почитание гор — весьма древнее и распространенное явление у многих народов. У монголов поклонение священным горам было известно с давних времен. Ламаизм, вытесняя шаманство, приспособил к своим обрядам и культ гор. Достаточно указать, например, что в «Сокровенном сказании» неоднократно упоминается священная гора Бурхан-Халдун. По преданиям, возле нее кочевали предки Чингисхана и на ней был спасен от врагов сам Чингисхан.

Женщина-шаманка.

Почитание священных гор и моления на них с участием лам продолжали существовать до монгольской народной революции.

К числу остатков шаманских верований следует отнести и встреченные нами «священные шаманские деревья», называвшиеся *утаган-модон* (или *утуган-модон*). Одно из них мы видели в окрестностях Улан-Батора — близ дома отдыха «Биликтей» на р. Сельбе, другое — близ р. Онон, в местности Гурбан-Нур, которая считается родиной Чингисхана. В первом случае шаманское дерево находилось на северном склоне горы среди лесной заросли. Это была лиственница, резко выделявшаяся среди других деревьев своей густо разросшейся кроной, имеющей вид округлого колпака. Она казалась искусственно подстриженной. Под кроной ее было

---

[9] Б. Я. Владимирцов. Этнолого-лингвистические исследования. . ., стр. 21, 22, 33.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_xxv/
© МАЭ РАН

подвешено большое количество подношений, состоящих из различных монет, ленточек, молитв, написанных на полотне и бумажках. Тут же были укреплены черепа лошади и барана, детский амулет (лисичка) и другие предметы.

В Гурбан-Нуре священным деревом являлась сосна, также украшенная большим количеством ленточек, молитв, хадаков и других предметов.

Возможно, что в эти деревья замуровывали пепел после сожжения умерших шаманов. Известно, например, что у бурят в дореволюционное время тело шамана сжигали, а золу, оставшуюся после сожжения, собирали в футляр и замуровывали в растущем дереве.[10]

Переходя к описанию костюма дархатской шаманки, отметим, что дархаты расселены в Хубсугульском аймаке Монгольской Народной Республики и занимают узкую горную котловину, растянутую с севера на юг на 250 км при средней ширине 80 км. На востоке границей их расселения служит оз. Хубсугул, на западе они граничат с Тувинской АССР.

По мнению многих авторов, дархаты представляют омонголившихся тувинцев. В их этнической истории участвовали тюркские элементы, монгольские и самодийские.

Дархатский диалект близок к западномонгольским; в нем содержатся также элементы халхаского и бурятского языков.[11]

До революции дархаты являлись шабинарами (крепостными) ургинского хутухты (Ундур-гэгэна — главы буддийской церкви в Монголии). Однако точных данных о том, когда дархаты сделались шабинарами, не имеется. По одной версии они были пожалованы китайским богдыханом ургинскому хутухте в награду за помощь, оказанную им в деле умиротворения Монголии после восстания Цэнгунджаба (1755 г.); по другой — дархаты были подарены Ундур-гэгэну князем Дэликнойоном. По преданию, Ундур-гэгэн дал им название *дархат* (множественное число от слова «дархан»), что обозначало «неприкосновенные», «свободные от повинностей».[12] Несмотря на то что дархаты являлись крепостными Ундур-гэгэна, у них сохранялось и шаманство.[13]

При исполнении обрядов шаманы надевали специальную одежду.

Составные части описываемого одеяния дархатской шаманки — халат и шапка. Неотъемлемым предметом при камлании являлся бубен с колотушкой.

Халат сшит из зеленовато-серо-коричневой бумажной ткани — *далембы* (табл. I). Подкладка из той же ткани. Левая пола халата запахивается на правую и завязывается тесемками в трех местах — на правом плече у ворота, под правой мышкой и на правом боку у талии. Воротник стоячий, рукава цельнокроенные. По подолу и талии халат украшен бахромой из белой ровдуги. Точно такая же бахрома нашита на плечах, а также вдоль рукавов по внешней стороне. На спине, между лопатками, нашит прямоугольник из ровдуги (31×23 см). На верхних углах этого прямоугольника укреплены вертикально к халату две кисточки из перьев филина, в нижней части обмотанные белой тканью. На обе полы вверху

---

[10] К. Вяткина. Монголы Монгольской Народной Республики. ТИЭ, нов. сер., т. 60, 1960, стр. 253—254.

[11] Г. Д. Санжеев. 1) Дархатский говор и фольклор. Л., 1931, стр. 42; 2) Дархаты. Этнографический отчет о поездке в Монголию. Л., 1930, стр. 13.

[12] Б. Долбежев. Дархатский округ. Тр. Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурск. отд. Русск. геогр. общ., вып. 1, 2, 1909, стр. 98; Я. Шишмарев. Сведения о дархатах-урянхах ведомств ургинского хутухты. Изв. Сиб. отд. Русск. геогр. общ., т. II, № 3, 1871, стр. 38—40; Г. Д. Санжеев. Дархаты, стр. 11, 12.

[13] Г. Д. Санжеев. Дархаты, стр. 41—63.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_xxv/
© МАЭ РАН

пришито по лоскуту черной шелковой ткани на синей бумажной подкладке, украшенной бляшками желтого металла диаметром около 1 см. На правой поле это небольшой лоскуток возле плеча, на левой — большой кусок неправильной формы, идущий от плеча на грудь. Черная с бляшками ткань взята от старого маньчжурского военного костюма.

На левой поле халата, выше талии, на разных уровнях нашиты ленты и жгуты из пестрой бумажной ткани: в верхнем ряду — 8 лент, во втором — 8 лент и 1 жгут, в третьем ряду — 2 ленты, в четвертом — 6 лент. Жгуты и ленты нашиты и сзади, тоже выше талии (кроме прямоугольника из ровдуги): над ровдугой — 3 больших черных жгута, сбоку на шве — 4 ленты и 3 жгута, ниже ровдуги — 35 лент (к одной привязан красный лоскуток) и 21 жгут. На левой поле халата, под воротом, нашита раковина-каури (табл. II, *17*). На спине, на ровдуге и возле нее, пришиты следующие металлические украшения.

1. Пластинка с железными подвесками (табл. II, *1*). На обоих концах имеет ответвления, образующие четыре петли. За две верхние петли пластинка при помощи небольших лоскутков кожи прикреплена в горизонтальном положении к ровдуге на спине халата. На двух нижних петлях укреплены подвески: на левой — три подвески (одна ножевидная с витым верхом, вторая трубчатая с витым верхом, третья трубчатая гладкая), на правой — также три подвески (одна ножевидная с витым верхом). К центру пластинки прикреплено кольцо. На нем четыре подвески (одна серповидная, две ножевидные, одна трубчатая). Все четыре с витым верхом.

2. Кольцо железное, витое, с четырьмя трубчатыми железными подвесками. При помощи красной тряпочки прикреплено к ровдуге слева вверху (табл. II, *4*).

3. Кольцо железное, с тремя трубчатыми железными подвесками (табл. II, *11*).

4. Кольцо из красной меди, с четырьмя трубчатыми железными подвесками. При помощи оранжевой тряпочки прикреплено на ровдуге справа вверху (табл. II, *5*).

5. Кольцо из красной меди, витое, с четырьмя железными подвесками. При помощи оранжевой тряпочки прикреплено на ровдуге справа внизу (табл. II, *6*).

6. Кольцо железное, витое, с тремя железными подвесками. Одна из них плоская прямая, вторая серповидная (обе витые в верхней части), третья — обломок витой подвески. Кольцо при помощи белой тряпочки прикреплено на ровдуге справа вверху (табл. II, *7*).

7. Кольцо железное, витое, с тремя железными подвесками. Одна из них прямая плоская, вторая трубчатая, третья ножевидная, чуть изогнутая. Все три витые в верхней части. Кольцо при помощи белой тряпочки прикреплено на ровдуге справа внизу. Ножевидная подвеска имеет в нижней части дырочку (табл. II, *8*).

8. Кольцо железное, витое, с тремя железными подвесками. Две подвески трубчатые, одна плоская прямая. Все три витые в верхней части. Кольцо при помощи желтой тряпочки прикреплено к халату слева от ровдуги (табл. II, *10*).

9. Кольцо железное, витое, с тремя железными подвесками. Одна из них трубчатая, вторая ножевидная, чуть изогнутая, третья вогнутая желобообразная. Все три витые в верхней части. Кольцо при помощи белой тряпочки прикреплено к халату ниже ровдуги (табл. II, *9*).

10. Кольцо железное с тремя железными подвесками. Одна из них прямая плоская, другая серповидная (обе витые в верхней части), третья

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_xxv/
© МАЭ РАН

трубчатая. Кольцо при помощи белой тряпочки прикреплено к халату ниже ровдуги.

11. Солнце-диск из желтой меди, диаметр 4.7 см. В центре два отверстия, сквозь которые диск при помощи кусочка ровдуги пришит к халату на прямоугольнике из ровдуги (табл. II, *3*).

12. Луна-полудиск из красной меди, форма неправильная (диаметр 8 см). На полудиске изображение символа висваваджира, т. е. перекрещивающихся ваджиров (вачиров).[14] На углах два отверстия, сквозь которые полудиск при помощи кусочков ровдуги пришит к халату на прямоугольнике из ровдуги (табл. II, *2*).

13. Колокольчики из желтой меди (2 шт.). Высота 3 см, диаметр 3 см. Язычки из красной меди прикреплены к колокольчикам толстой проволокой. Колокольчики укреплены на халате ниже ровдуги при помощи тряпочки вишневого цвета (табл. II, *13*, *15*).

14. Колокольчик из желтой меди. Высота 3 см, диаметр 3 см. Фигурный язычок из светлого металла прикреплен к колокольчику бечевкой. Колокольчик укреплен на халате ниже ровдуги при помощи кусочка ровдуги (табл. II, *14*).

15. Колокольчик из желтой меди. Высота 4 см, диаметр 3.5 см. Язычок из светлого металла прикреплен к колокольчику проволокой. Колокольчик укреплен на халате ниже ровдуги при помощи кусочка ровдуги (табл. II, *16*).

16. Бубенчик сферический, слегка сплюснутый, из желтой меди. Наибольший диаметр 2.5 см. Бубенчик укреплен ниже ровдуги (после колокольчиков) при помощи красной тряпочки (табл. II, *12*).

Размеры халата: общая длина 94 см, ширина спины в плечах 63 см, длина рукава от ворота 63 см, высота воротника 5 см.

Шапка мягкая, имеет форму усеченного конуса, открытого сверху, сшита из черной далембы, подкладка из синей далембы (табл. I, *3*). На шапку вертикально нашиты узкие полоски ткани: две темно-желтые (на них пришито еще по синему лоскутку), одна зеленая и одна пестрая. Два маленьких пестрых лоскутка нашиты на шапку горизонтально.

На шапке имеются следующие украшения: раковины-каури (9 шт.), пуговицы белые (2 шт.), пуговица бельевая пожелтевшая (1 шт.), бубенчики из желтой меди (4 шт.), бусинки мелкие желтые непрозрачные (17 шт.), бусинка из белого молочного стекла (1 шт.), бусинки мелкие желтые прозрачные (4 шт.), бусинки мелкие синие прозрачные (3 шт.), бусинка зеленая прозрачная (1 шт.), бусинка большая зеленая непрозрачная (1 шт.), бусинки крупные красные непрозрачные (2 шт.), бусинки средние красные непрозрачные (3 шт.), бусинки мелкие красные непрозрачные (2 шт.), бусинка фигурная желтая прозрачная (1 шт.), металлические бляшки (14 шт.), металлические ажурные украшения (2 шт.).

Сверху шапка украшена торчащими вверх перьями филина. Нижний край шапки отделан бахромой из жгутов и лент, сшитых из пестрой бумажной ткани разных цветов. Спереди бахрома короче, сзади длиннее. Всего в бахроме 50 лент, 9 жгутов, одна связка лент (в ней три пестрые ленты и одна черная; на черной в свою очередь — один жгут, одна большая полоска ткани, четыре маленьких лоскутка, два из которых с кисточками, кроме того, еще три кисточки и кусочек кольчуги), неподшитые коротенькие полоски темной ткани (7 шт.) и черные толстые нитки. Высота шапки 12 см, окружность по низу 56 см, длина бахромы в среднем 30—45 см, наибольшая длина 90 см. Высота перьев 23 см.

---

[14] Ваджир (вачир) — буддийский священный жезл.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_xxv/
© МАЭ РАН

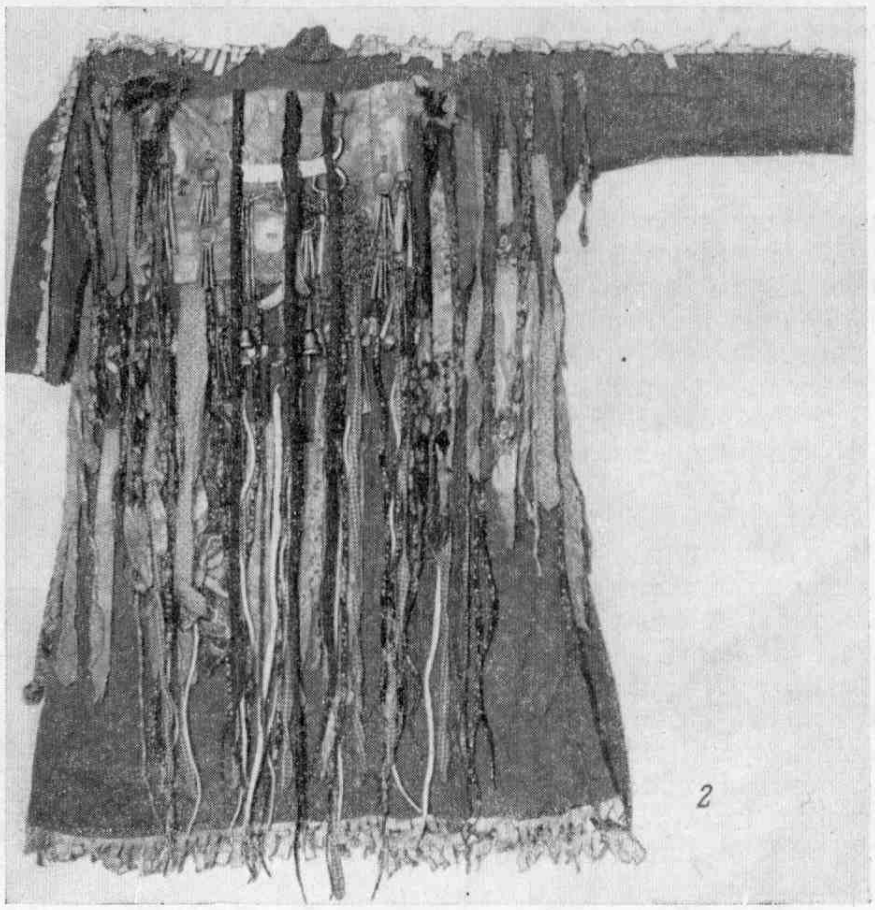

Табл. I. Халат дархатской шаманки.

1 — вид спереди; *2* — вид сзади;

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_xxv/
© МАЭ РАН

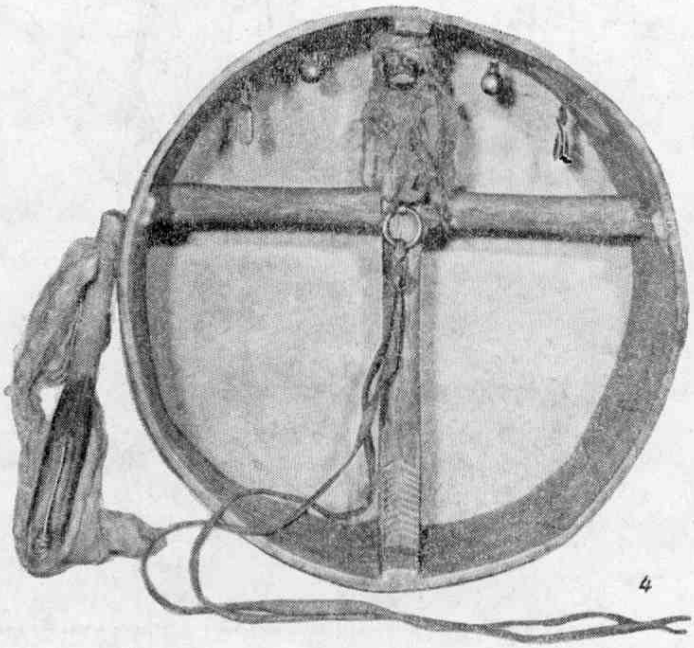

Табл. I (*продолжение*).

3 — шапка; *4* — бубен и колотушка.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_xxv/
© МАЭ РАН

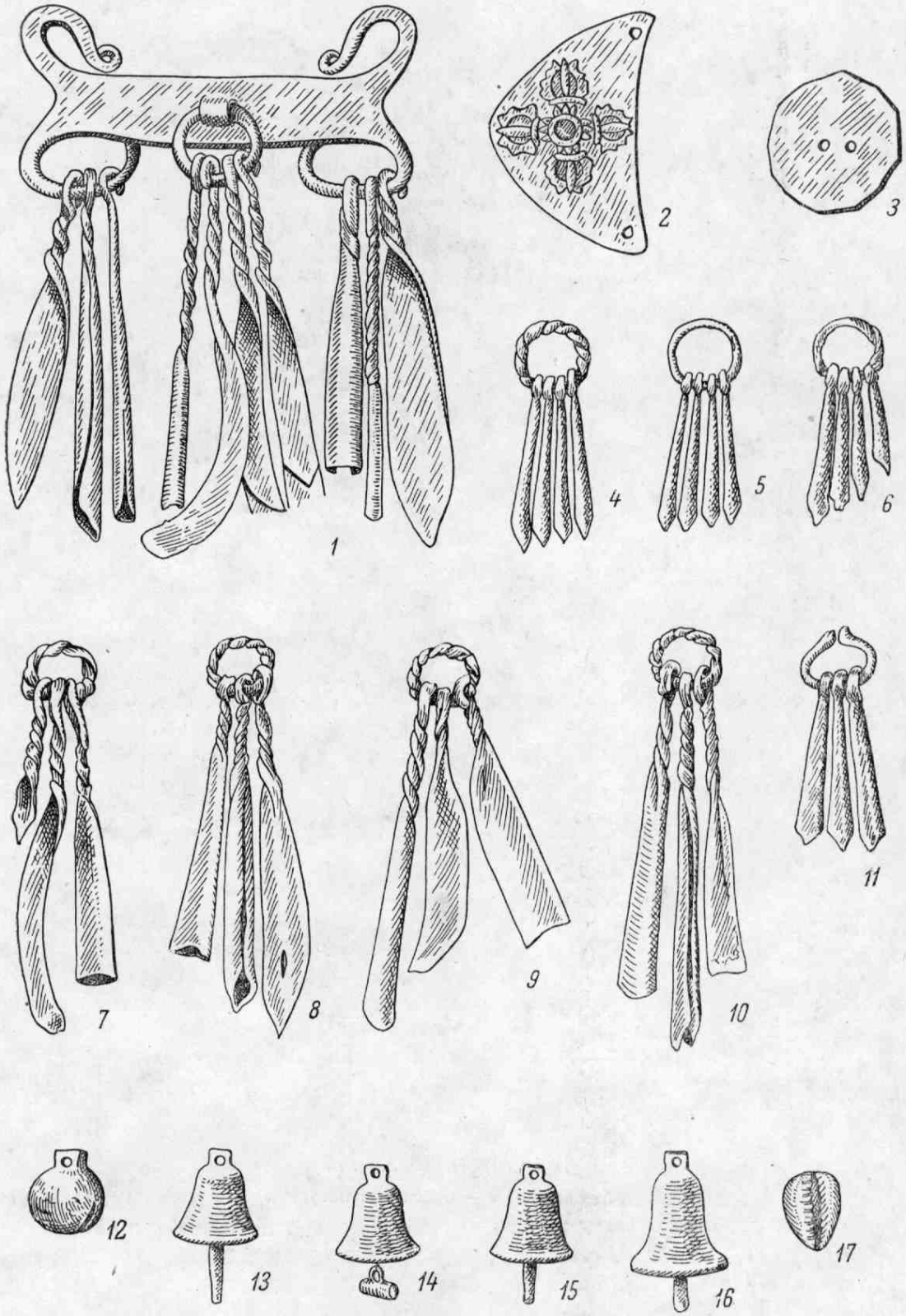

Табл. II. Украшения на халате дархатской шаманки.

1 — пластинка с железными подвесками; *2* — луна-полудиск; *3* — солнце-диск; *4—11* — кольца с подвесками; *12* — бубенчик; *13—16* — колокольчики; *17* — раковина-каури.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_xxv/
© МАЭ РАН

Бубен круглый, с деревянным ободком (обичайкой) (табл. I, *4*). Деревянная крестовина (ручка бубна) прикреплена к бубну при помощи деревянных же планок. К продольной планке крестовины вверху привязана хадаком вырезанная из дерева голова докшита (персонажа из буддийского пантеона). Голова окрашена в черный цвет, имеет три глаза и оскаленные зубы. Внизу продольная планка украшена резьбой в елочку (изображение хвоста птицы?). В верхней части обода изнутри прикреплены два бубенчика и две связки подвесок. Бубенчики сферические, чуть сплюснутые, сделаны из желтой меди. Каждая связка подвесок имеет по три железные ножевидные подвески.

Бубен обтянут кожей козули; она покрывает также обод и загнута внутрь. Снаружи на обод наклеены маленькие бумажные кружочки или обрывки их. В месте пересечения планок крестовины ввинчено кольцо, к которому привязан узкий длинный ремешок. Диаметр бубна 42 см, высота 17 см.

Колотушка сделана в виде слегка изогнутой лопаточки. Выгнутая, ударная, сторона ее оклеена шкуркой козули с жесткой белой шерстью. Вогнутая, тыльная, сторона имеет желобок, вдоль которого укреплена скоба из толстой проволоки. На нее нанизано 7 колец (диаметром около 1 см). Ручка колотушки заканчивается изображением головы козули. Вырезаны уши, глаза, ноздри, рот и углубления на шее. В темени козули проделано сквозное отверстие, через которое продернут хадак. Тыльная сторона лопаточки окрашена в лиловый цвет. Длина колотушки 27 см, ширина 3 см, толщина 2 см.

Рассматривая устройство бубна дархатской шаманки, можно видеть сходство отдельных частей его с бубнами западных и южных тувинцев. Так, дархатские бубны сходны с тувинскими не только по своей форме, но и по размерам. Если диаметр бубнов западных и восточных тувинцев 60—80 см, а высота обичайки 15 см и больше,[15] то диаметр бубна дархатской шаманки достигает 42 см, а высота его обичайки равняется 17 см.

Описываемый дархатский бубен обтянут кожей козули, у западных тувинцев он обтягивается кожей горного козла, у восточных — кожей дикого оленя. У западных тувинцев, как и у дархатской шаманки, деревянная рукоять бубна на верхнем конце украшена изображением головы, в описываемом дархатском бубне это изображение головы докшита, в чем, вероятно, отразилось буддийское влияние.

Учитывая этническую близость дархатов и тувинцев, можно полагать, что и шаманство у дархатов сохраняло много элементов, связанных с тувинскими шаманскими традициями. Подтверждает эту гипотезу и венгерский ученый В. Диосеги.[16]

На основе изучения материалов дархатского шаманства и сравнения последнего с шаманством Бурятии, Тувы и Горного Алтая автор приходит к выводу о тесных связях дархатского шаманства с тувинским.

---

[15] Историко-этнографический атлас Сибири. М.—Л., 1961, стр. 445.

[16] V. Diószegi. Ethnogenic Aspects of Darkhat Shamanism. Acta Orientalia, t. XVI, fasc. 1, Budapest, 1963, pp. 55—81.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_xxv/
© МАЭ РАН